

Особенности воздействия культурной среды на третейское разбирательство

М. Э. МОРОЗОВ, председатель Сибирского третейского суда, старший преподаватель отделения экономики и права Новосибирского государственного университета

В статье рассматриваются проблемы воздействия российской культурной и правовой среды на альтернативное разрешение споров и третейское разбирательство, в том числе. Сделан вывод, что стимулы использования АРС в зарубежных странах имеют существенно иной характер, чем в России.

Ключевые слова: третейское разбирательство, правовая культура, социально-культурные особенности, принципы АРС.

Третейское разбирательство возникло в древности и получило свое развитие во многих странах. Как один из способов альтернативного разрешения споров (АРС), третейское разбирательство вбирало в себя различные подходы со стороны государства и его нынешнее положение в каждой конкретной стране, это результат принятия государством общепризнанных правовых постулатов третейского разбирательства и их развития с учетом особенностей национальной правовой и социально-культурной системы. Национальные законы о третейском разбирательстве в достаточно сильной мере унифицированы, тем не менее, развитие третейского разбирательства происходит в разных странах разными темпами. Очевидно, что уровень законодательного регулирования АРС не является тем решающим фактором, который определяет, как оно будет развиваться в конкретной стране. До принятия Федерального закона от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» было распространено мнение, что принятие специального закона даст толчок развитию третейских судов. Действительно, после принятия закона на правовое регулирование третейского разбирательства стало значительно более «протретейским», но даже такие кардинальные изменения правовой среды не сильно повлияли на увеличение количества споров, разрешаемых третейскими судами. Нет оснований надеяться и на развитие в России медиации в связи с принятием специального закона. Сегодня нет правовых препятствий для использования добровольной медиации, тогда какие есть основания полагать, что принятие закона переломит ситуацию, особенно с учетом того, что законопроекты о медиации гораздо более декларативны, чем закон о третейских судах.

Закономерен вывод, что правовое регулирование не является ключевым фактором развития института третейского суда. Социально-культурные особенности общества оказывают гораздо большее влияние на развитие института третейского суда, чем его правовое регулирование. Правовые принципы АРС не значительно различаются в разных государствах, законы о третейских судах весьма похожи по подходам к регулированию, но они оказывают различное

влияние на него как раз в силу различия в ценностях, существующих в разных культурах. Те ценности, которые придают импульс АРС в одной правовой среде, являются малозначимыми в другой, а потому выполняют отчасти декларативную функцию, а не ту, для которой предназначены. На наш взгляд, чтобы добраться до причин, тормозящих развитие АРС в России, многие его базовые принципы следует подвергать анализу не только с точки зрения их правового содержания и формальной закреплённости в законе, но и с того, какую именно роль они играют в нашем обществе.

Общепризнанным является утверждение, что третейское разбирательство отличается добровольностью передачи спора в третейский суд, исходя из доверия к нему. Третейское разбирательство характеризуется широчайшей диспозитивностью, позволяющей сторонам самим устанавливать процедурные правила рассмотрения спора, основано на принципе конфиденциальности, независимости третейских судей, характеризуется большим стремлением к урегулированию спора. Частноправовой характер АРС определяет меньшее вмешательство государства в процедуру урегулирования спора по сравнению с правосудием. Это восполняется большим доверием сторон к решению, вынесенному избранными сторонами третейскими судьями, которым они доверяют, и с использованием правил, установленных этими сторонами. Эти базовые постулаты должны быть опорой третейского разбирательства и оказывать решающее воздействие на его формирование в России. Итак, взглянем на их реальное влияние на третейское разбирательство в нашей культурно-социальной среде.

Добровольность заключения третейского соглашения подразумевает, что, исключая спор из сферы правосудия, стороны обладают свободой воли в этом вопросе и принимают осознанное решение. За рубежом, заключая третейское соглашение, стороны, как правило, отчетливо осознают, что государство более не будет разрешать этот спор. Закон «О третейских судах в Российской Федерации» делает недействительным третейское соглашение, содержащееся в договоре присоединения. Цель введения этой нормы — устранить навязывание третейского соглашения одной стороной сделки, когда воля другой стороны не может свободно выражаться. Исходя из поставленной законодателем цели, видно, что данная норма работает только в явно указанном в ней случае, не затрагивая случаев, когда воля стороны деформирована. Представляется, что именно свобода воли при заключении третейского соглашения и определяет дальнейшее поведение сторон в третейском разбирательстве. Третейский суд исследует лишь волеизъявление сторон при заключении третейского соглашения. Но для самих сторон гораздо более важным является не волеизъявление, а как раз их воля, которая и определяет их отношение к третейскому суду. Поэтому исследование воли более перспективно для понимания причин, по которым стороны ведут себя в третейском разбирательстве тем или иным образом. Исследуя, при каких условиях и кем именно заключаются третейские соглашения, можно выделить несколько групп таких субъектов:

— экономически доминирующие субъекты сделки. Это случаи, когда одна из сторон может определять условия сделки в силу того, что именно она решает, с кем вступить в отношения из множества противостоящих ей возможных контрагентов, в силу обладания значимым ресурсом и низкого уровня

конкуренции. К этой категории следует отнести крупные компании, естественные монополии, банки и т. д.;

— субъекты сделки, доминирующие по правовой культуре. В данном случае определяющее значение имеет то, что одна из сторон детально прорабатывает сделку, другая же отслеживает лишь ее экономические параметры в силу низкой правовой культуры. Это приводит к не осознанию одной из сторон самого факта заключения третейского соглашения или его последствий;

— равные по положению субъекты.

Свобода воли при заключении третейского соглашения в его идеальном виде проявляется лишь в третьем случае. Во всех вышеуказанных случаях третейское соглашение по закону правомочно, поскольку волеизъявление выражено надлежащим образом, но в первых двух воля на исключение спора из сферы правосудия зачастую или деформирована (когда соглашение навязано) или не сформирована (когда факт соглашения не осознан). Хочется оговориться, что это положение имеет под собой чисто культурные или психологические аспекты и не охватывается правом. Это приводит к тому, что в России значительное число третейских соглашений заключено в условиях, когда у одной из сторон нет внутреннего желания уйти от государственного правосудия, а предложение третейского суда воспринимается ей как негативное давление со стороны контрагента. Таким образом, положение о том, что заключение третейского соглашения — это всегда свободный выбор сторон, лишь юридическая фикция, сами стороны далеко не всегда считают этот выбор своим.

Вступление в АРС с несформированной или деформированной волей влечет ряд серьезных последствий. Эти последствия прослеживаются на всех стадиях третейского разбирательства:

- стремление к оспариванию компетенции третейского суда;
- не признание регламентов третейских судов и стремление руководствоваться процессуальными кодексами;
- крайне редкое соглашение сторон по процедурным вопросам или изменение положений регламента суда;
- отказ от права на выбор арбитра;
- не признание решения суда и отказ от добровольного его исполнения.

Практикующий третейский судья отметит, что вышеуказанные явления носят массовый характер, в то время как с точки зрения доктрины они могут существовать лишь как исключительные случаи. Подобное поведение свидетельствует о недовольстве стороны заключенным третейским соглашением, стремлением избежать третейского разбирательства или нивелировать его последствия. Оно не может проявляться, если обе стороны действительно добровольно доверили разрешение спора третейскому суду. В этом случае они воспринимают третейский суд как «свой» и стремятся содействовать ему в выполнении его функции. Справедливости ради нужно отметить, что противодействие третейскому разбирательству может быть вызвано не столько недоверием к нему, сколько нежеланием любого судебного процесса и наступления негативных последствий. Об этом свидетельствует то, что противодействие судебному разбирательству и злоупотребления процессуальными правами носит массовый характер во всех ветвях судебной власти.

Как известно, третейское разбирательство регулируется нормами регламента постоянно действующего третейского суда, который считается частью

третейского соглашения. Соответственно, регламент рассматривается как порождение воли сторон третейского разбирательства, а они могут изменять содержащиеся в нем правила. То, что регламент утверждается третейским судом, не умаляет это положение закона. Реальное поведение сторон в третейском разбирательстве свидетельствует о том, что одна из сторон зачастую даже не подозревает о существовании регламента, искренне полагая, что третейский суд руководствуется АПК РФ и ГПК РФ. Случаи изменения норм регламента сторонами третейского разбирательства носят единичный характер. Можно утверждать, что лишь законодатель и ученые воспринимают регламент как часть третейского соглашения. Для сторон они существуют как два независимых документа, но регламент отнюдь не является актом, производным от заключенного ими третейского соглашения. На сегодняшний момент регламент третейского суда является не порождением воли сторон, а локальным нормативным актом, который стороны только воспринимают. Сложившаяся конструкция признания регламента частью третейского соглашения искусственна и никоим образом не соответствует воле сторон по этому поводу. Именно этим объясняются ссылки сторон на процессуальные кодексы, а не только их правовой безграмотностью.

В качестве первого вывода можно заключить, что незрелая или деформированная воля значительного числа субъектов права приводит к неприятию третейского суда как навязанного извне института, который стороны не воспринимают как *ими* созданный механизм разрешения спора. Поэтому третейский суд выступает в их глазах как такой же инструмент принуждения, как и государственный суд, но в упрощенном виде.

До настоящего момента рассматривались проблемы соотношения воли и волеизъявления при вступлении в правоотношения АРС. Но не менее важен и анализ причин, почему обращение к третейскому суду не приобретает широкое распространение в России. Как они соотносятся с причинами, послужившими распространению третейского разбирательства за рубежом. В качестве основных стимулов к обращению в третейский суд обычно приводятся следующие:

- доверие к третейскому суду как к институту в целом;
- доверие к конкретным арбитрам и признание их авторитета;
- конфиденциальность рассмотрения спора;
- оперативность рассмотрения спора;
- меньшие расходы на рассмотрение спора.

Нельзя однозначно определить, какая из этих причин является ключевой для развития АРС за рубежом. Каждая из них существует в иных правовых и культурных условиях, а потому наполняется иным смыслом, чем в России. Так, размер судебных расходов и срок рассмотрения дел играют столь важную роль потому, что в зарубежных государственных судах они в разы больше российских и являются очень значительными. Уже одно это дает третейскому разбирательству за рубежом неоспоримые преимущества перед государственным судом, поскольку экономия слишком существенна. Эти два стимула (хотя их влияние меньше, чем за рубежом) привели к развитию третейского суда в России. Но их недостаточно, поскольку они придают экономический смысл обращению к третейскому суду (хотя существенно меньший, чем за

рубежом), но ложатся на неподготовленную в культурно-психологическом отношении почву.

Принцип конфиденциальности третейского разбирательства в зарубежных странах крайне важен для развития третейских судов потому, что открытый судебный процесс наносит удар по репутации сторон независимо от его исхода. Участие в судебном процессе может свидетельствовать о низком управленческом уровне, неумении регулировать финансовые потоки, отсутствии навыков урегулирования конфликта, а также приводит к ощутимым финансовым и репутационным потерям. Конфиденциальность третейского разбирательства позволяет всего этого избежать. В России участие в суде не испугает никого из контрагентов стороны, поэтому скрывать его не имеет смысла. Более того, неисполнение своих обязательств с точки зрения предпринимателей уже не считается зазорным, как и неисполнение обещания. Нерушимое «слово купеческое» в современной России стало пустым звуком, и его нарушение не наказывается ни по закону, ни общественным порицанием. Именно ощущение безнаказанности влечет невыгодность законопослушания и отсутствие целесообразности урегулирования конфликта. Умение с помощью законных уловок уйти от ответственности имеет большую ценность, чем следование закону. В российской ментальности законопослушание не было отличительной чертой, скорее культивировалась обязанность следования установленным данным сообществом моральным принципам. С ослаблением моральных ограничений следование закону также ослабло. Соответственно, принцип конфиденциальности третейского разбирательства не является заметным стимулом использования АРС.

Авторитет арбитра, разрешающего спор, играет определенную роль при его выборе сторонами, но сколько мы можем припомнить случаев, когда стороны подчинялись решению и добровольно его исполняли из-за уважения к мнению арбитра? Даже общепризнанные светила права не всегда могут констатировать, что своим решением они *убедили* стороны в правильности решения. Трудно припомнить случай, когда бы стороны обратились в третейский суд, и их бы интересовало мнение судьи по правовому вопросу, а не возможность принудительного исполнения. Это красноречиво подтверждает тот факт, что разрешение правового конфликта в форме выдачи правового заключения по спору в России практически отсутствует. Авторитет третейского судьи играет важную роль в «криминальном третейском суде», хотя и там он основан не только на уважении. Авторитет любого судьи базируется на его независимости от сторон и способности решить спор наиболее эффективно с точки зрения сторон. В России независимость третейских судов часто фиктивна, что подтверждают многочисленные третейские суды, порожденные лишь для отстаивания интересов группы связанных между собой лиц. Даже когда такая связь судьи со стороной проявляется, судебная система не всегда ее замечает, основываясь на «презумпции невиновности» и добросовестности третейского суда. Базой третейского разбирательства всегда было личное доверие к арбитру: его моральным качествам и его профессиональной квалификации. Одного этого вполне достаточно для разрешения споров в порядке третейского суда *ad hoc*, который в России большая редкость. Нельзя сказать, что авторитет третейского суда существенно ниже, чем, например, арбитражного. У последнего он так же имеет существенные возможности для роста и он

ощутимо ниже, чем авторитет судьи в зарубежных странах. Соответственно, авторитет третейского судьи редко играет роль при решении вопроса, обратиться в государственный суд или же в третейский.

Третейский суд не воспринят российской правовой системой как *нормальный* способ разрешения спора и до сих пор воспринимается как «правовая аномалия». Заключение третейского соглашения в стадии конфликта сторон вызывает умственный поиск: для прикрытия чего именно это могло потребоваться. Мысль о том, что это обоюдная воля сторон разрешить их конфликт, приходит в последнюю очередь. А вызван этот подход часто встречающимся злоупотреблением третейским разбирательством, о котором уже не раз писалось.

Необходимость в третейском суде как институции минимальна при условии доверия обеих сторон третейскому суду и их сотрудничестве. Чем слабее сотрудничество сторон, тем большая необходимость возникает в органе, который восполнит пробелы регулирования процедуры разрешения спора, допущенные сторонами. Все эти тенденции привели в России к восприятию третейского суда скорее как органа, а не как правовой процедуры.

По закону третейский суд не является юридическим лицом, которое нужно ему лишь в организационном плане. Однако мы наблюдаем, что именно юридическое лицо, при котором существует третейский суд, и определяет его деятельность. Такое положение очень напоминает положение редакции СМИ, которое считается формально независимым от юридического лица, не могущего вмешиваться в его деятельность. Практическую цену таких деклараций знает любой журналист, и это четко показали скандалы с крупными СМИ, когда смена владельца юридического лица, при котором действует редакция СМИ, приводила к резкому изменению политики издания, несмотря на все нормативные положения, закрепляющие свободу СМИ. Это не подрывает принцип независимости третейских судей, которые в подавляющем большинстве принимают решение, исходя из своих убеждений. В то же время нельзя закрывать глаза и на реальность — фактическое определяющее влияние организации, при которой действует третейский суд, на конкретное третейское разбирательство. Это обстоятельство и привело к созданию «подконтрольных», но формально независимых от их владельцев третейских судов.

Все это вызвало тенденцию институционализации третейского суда, который стал испытывать потребность во всех атрибутах судебной власти, компенсируя недостаточность собственного авторитета. Регламенты третейских судов обретают все большую степень детализации и все в большей степени воспроизводят соответствующие положения процессуальных кодексов. Процессуальному усмотрению состава суда остается все меньше места. Основное преимущество третейского суда, состоящее в его меньшей формализации, стало играть роль его недостатка. Не сложно вспомнить формы, в которых это происходит: присвоение третейскими судами атрибутов государственной символики, попытка смешаться с ними за счет наименования и т. д. Властные полномочия третейского суда должны формироваться не в правовой плоскости, а в социально-культурной, и поддерживаться, прежде всего, моральными нормами и только во вторую очередь правовыми. Российское третейское разбирательство пошло своим путем...

Россия вступила в новую фазу развития третейского суда — период массового злоупотребления третейским разбирательством. Только политкорректность как неспособность называть вещи своими именами не дает нам признать вслух тот факт, что *значительная* часть третейских судов является таковыми лишь по форме. Свидетельств наступления этого этапа достаточно много: всплеск создания третейских судов (при том же уровне востребованности третейского разбирательства), создание ангажированных третейских судов, известные примеры с арестами третейских судей, манипулирование правовой неграмотностью и т. д. Существование третейских судов, о которых вообще невозможно выяснить какую-либо информацию, на сегодня вполне обыденно. В Новосибирске, судя по сайту арбитражного суда, действует 58 третейских судов, однако попытки пригласить их на совместный семинар привели к удивительному результату: большинство оказалось невозможно найти, а те, с которыми удалось связаться, заявили, что им не нужна публичность. Спрашивается, а какова тогда база для их существования? Очевидно, ответ на этот вопрос состоит в том, что их деятельность имеет иной смысл, чем разрешение споров среди тех, кто им действительно доверяет.

Попробуем поразмышлять, а возможно ли за рубежом такое направление развития третейского разбирательства? Почему мы там не видим такого огромного количества третейских судов; третейских судов, где учредитель и сторона совпадают? Ответ лежит на поверхности — подобное поведение достаточно быстро привело бы к ответственности за подобные деяния и затруднительности профессиональной деятельности арбитров в связи с утратой к ним доверия в профессиональных кругах. В России создание третейского суда часто вызвано лишь экономическими интересами холдингов или веянием моды, раз государство признало на самом верху полезность явления. Приведем наглядный пример такого подхода: звонит отставной работник МВД и просит проконсультировать о создании и функционировании третейского суда. При этом все его вопросы сводятся к тому, как организовать выплату зарплаты персоналу. На вопросы процессуального порядка реакция предельно простая: «мне свыше было приказано создать суд и освоить выделенный бюджет, а по поводу порядка разрешения споров — как начальство прикажет, так и рассмотрим, мы люди военные». Каков будет характер деятельности этого третейского суда, остается только догадываться, но думается, что для общества будет лучше, если он вообще не начнет свою деятельность, имеющую мало общего с третейским разбирательством.

Мода на каждом углу демонстрировать свою приверженность демократии и отходу от командного стиля управления вылилась в создание шумихи о необходимости развития АРС. Реальное поведение государства свидетельствует о неприятии властью положения, когда государство делегирует право на рассмотрение споров и лишается возможности вмешиваться в это процесс. Это напоминает эпизод из фильма «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен», где директор пионерского лагеря говорит: «Дети, вы хозяева лагеря...». Итогом такой политики становится словесное покровительство АРС и формирование практики прямо противоположного свойства. Из реального положения следует, что лишь Высший Арбитражный Суд РФ действительно осознал, что третейский суд — вполне цивилизованный способ разрешения споров, который не разрушает российскую правовую систему. Но такого понимания

все меньше от инстанции к инстанции, которые не могут смириться с запретом их вмешательства в деятельность третейских судов. В ветви суда общей юрисдикции остается констатировать негативное отношение на всех уровнях.

Не приходится удивляться, откуда такое отношение в юридической среде к третейским судам. Ответ кроется не только в деформации общественных ценностей, но и в системе профессионального юридического образования. Подавляющее большинство юридических вузов не дает студентам знаний о третейском разбирательстве, за исключением небольшого фрагмента в рамках гражданского и арбитражного процесса. Преподаванию АРС не находится места среди юридических дисциплин, поскольку система российского юридического образования построена, исходя из важнейшей роли правоохранительных дисциплин и дисциплин карательного уклона. Иначе чем объяснить, что дисциплины, связанные с разрешением споров, не нашли своего места в образовании, а дисциплины, связанные с регулированием расследования преступлений и наказания, до сих пор главенствуют? Юрист, работающий в гражданской сфере, неизбежно задается вопросом, зачем ему в таком объеме многие дисциплины: криминалистика, криминология, уголовно-исполнительное право, правоохранительные органы, прокурорский надзор, ОБЖ? Судя по построению государством образовательных программ юридических вузов, может сложиться впечатление, что страну скоро накроет лавина преступлений или грядут массовые уголовные репрессии, к которым нужно подготовить юристов соответствующего уклона. Никто не сомневается в необходимости передачи знаний по этим дисциплинам, но почему за счет дисциплин, позволяющих предотвратить или урегулировать конфликт, а не только карать за его последствия? Такое место частноправовых способов защиты прав формирует у юриста отношение к АРС как к явлению, стоящему в стороне от столбовой дороги развития юриспруденции.

Созданная с учетом основных мировых тенденций развития АРС правовая база АРС имеет свои дефекты. Но они не могут оправдать нынешнее состояние АРС в России. Как уже было показано, эти причины лежат не в правовой плоскости, а в культурно-социальной, поэтому фокусирование внимания на дальнейшем правовом регулировании АРС — это не лечение болезни, а скорее укол в протез. Далеко не во всех государствах АРС занимает достойное место в правовой системе, но важно понять, возможно ли его развитие в России или же причины ментального плана обрекают АРС на третьестепенные роли в правовой системе.

Усиление правового регулирования для достижения ощутимого эффекта должно быть направлено не столько на закрепление общих принципов деятельности, сколько на усиление правового эффекта от АРС. Изменения закона будут оправданы, если они будут носить действительно фундаментальный характер, существенно изменяющий место и роль третейского суда в механизме защиты прав. Именно такого рода изменения дадут сигнал, что государство заинтересовано в эффективности АРС и поддерживает их договоренность в этом. Изменения должны преследовать несколько целей:

— недопущение и пресечение злоупотребления третейским судом. Здесь возможны изменения в виде усиления контроля за созданием третейского суда и ведения им документооборота, а возможно, и введение мер ответственности для третейских судей;

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

— усиление правового эффекта от третейского разбирательства через установление четких границ арбитрабельности споров, придание обстоятельствам, установленным решением третейского суда, силы обстоятельств, признанных сторонами, и освобождение от их повторного доказывания, придание решению третейского суда силы исполнительного документа, если оно не было оспорено в установленный срок;

— повышение роли третейского суда в механизме защите прав через системное пресечение нарушения государственными судами процессуальных норм в ходе процедуры судебного контроля. Элементарное исполнение закона резко повысит эффективность реальной защиты прав через третейский суд.

Несомненно важность будет иметь планомерная работа по повышению правовой культуры и изменению общих социально-культурных установок. Очевидно, что эта задача носит общегосударственный характер и не может быть решена инициативой третейского сообщества. Эйфория от вседозволенности и уверенности, что рынок сам все отрегулирует, уже прошла. Нарастающие усилия государства по установлению порядка в государственном регулировании общественных отношений и судопроизводства показывают, что эта тенденция будет способствовать развитию АРС, пока государство не решит задачу *эффективного* разрешения правовых споров. С разрешением споров государство, безусловно, справляется, но эффективность судопроизводства не повышается, поскольку нагрузка на судебную систему оказалась непомерно высокой. В долгосрочной перспективе государство обратит внимание на АРС уже в силу затруднительности разрешения в одиночку поставленной перед ним задачи. Главное, чтобы опять не созрело решение не упускать бразды правления АРС.

Важнейшим направлением формирования правовой культуры АРС является воздействие на профессиональное юридическое сообщество. Здесь уместна элементарная правовая пропаганда, которая должна вестись силами объединившихся третейских судов, но основным будет обращение внимания на профессиональное образование. Полноценные знания об АРС должны быть естественными для каждого юриста. Каналами их распространения являются не только вузы, где это должно быть необходимым элементом образовательного стандарта, но и квалификационные требования, предъявляемые при сдаче экзаменов для судей и адвокатов.

Общероссийские показатели развития АРС пока что весьма скромны в силу причин глобального порядка, тем не менее, можно отметить и наличие своеобразных точек роста в виде реально работающих третейских судов и центров посредничества. Эти факты свидетельствуют, что процессы глобального порядка не являются непреодолимой преградой для развития АРС, в противном случае этих удачных примеров не было бы. Деятельность третейского суда позволяла в каждом отдельном случае сгладить имеющиеся в России негативные факторы, препятствующие развитию АРС. Нет оснований полагать, что уровень правосознания или деловая этика в разных регионах России разительно отличается. Деятельность успешных центров АРС дает надежду, что если усилия отдельных лиц позволяют исправить ситуацию, то влияние многих лиц, приверженных АРС, сможет переломить ситуацию. Самое важное, чтобы такие разрозненные усилия стали скоординированными, приобрели отчетливый вектор, и тогда АРС станет инструментом подлинного

саморегулирования нашего общества. Поэтому от третейских судов в их способности объединиться и отстаивать совместную позицию будет зависеть возможность не быть поглощенными той пеной, которая возвышается над этим чистым, но пока очень слабым потоком.

М. Е. Morozov

Peculiarities of influence of the cultural environment on arbitration

Summary: *The article considers the problems of influence of the Russian cultural and legal environment on the Alternative Dispute Resolution and arbitration. The author has come to a conclusion, that the stimulus of using ADR in foreign countries is considerably different from that of Russia.*

Keywords: *arbitration, legal culture, social and cultural features, the ADR principles.*

Ответы на кроссворд из прошлого номера:

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Препона. 4. Геном. 6. Траверс. 9. Чинодрал. 10. Антитела. 12. Оса. 13. Луо. 14. Эстамп. 16. Дуплет. 18. Кавалер. 19. Критерий. 20. Идальго. 21. Строп. 22. Время. 24. Секция. 25. Амфора. 27. Сходни. 29. Эпигон. 32. Макет. 32. Упрек. 34. Недолет. 35. Фрагмент. 37. Рецидив. 39. Лакмус. 41. Гравий. 43. Азу. 44. Акр. 45. Медиация. 47. Активист. 49. Кульман. 50. Апорт. 51. Антраша.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Потомок. 2. Пли. 3. Аудитор. 4. Грамм. 5. Манту. 6. Триллер. 7. Вал. 8. Сухой. 9. Чайнворд. 11. Аллерген. 14. Эллипс. 15. Папайя. 16. Дельта. 17. Тетива. 19. Конфликт. 20. Инцидент. 21. Самум. 23. Ястык. 26. Аквариум. 27. Стимул. 28. Индекс. 29. Эллинг. 30. Нунций. 31. Предикат. 35. Фуганок. 36. Нокдаун. 37. Ровница. 38. Вскрыша. 40. Улика. 42. Рокот. 46. Ель. 48. Сыр.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД